

УДК 81'27
UDC 81'27

Наумов Владимир Викторович
Санкт-Петербургский государственный политехнический университет
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
Vladimir V. Naumov
St Petersburg State Polytechnic University
St Petersburg, Russian Federation
e-mail: vladimir_naumov@mail.ru

**ЧУВСТВО ЮМОРА В ВЕРБАЛЬНОМ
И ПАРАЯЗЫКОВОМ ВЫРАЖЕНИИ**
SENSE OF HUMOR MANIFESTATION:
VERBAL AND PARAVERBAL MEANS

Аннотация

В статье анализируются вербальные и параязыковые средства выражения чувства юмора в диахроническом аспекте. Полученные результаты дают возможность утверждать, что, отсутствие чувства юмора в средневековую эпоху связано с характерными для того времени близостью формы и содержания языкового знака и высоким уровнем стереотипизации мышления. Рассматриваются внешние и внутренние факторы появления и реализации чувства юмора в различных лингвокультурах. Показаны разные градации и формы чувства юмора. Анализируются параязыковые средства выражения чувства юмора в разных лингвокультурах. Подчёркивается прескриптивность социальных и этнических правил речевого и параязыкового поведения носителей языка.

Abstract

The paper reports on the analysis of the evolution of verbal and paraverbal means of expressing the sense of humor. The results indicate that the absence of the sense of humor in medieval times can be explained by the symmetry of form and meaning of the linguistic sign and high degree of mentality stereotypization. The article views internal and external factors of the sense of humor emerging and its manifestation in different lingual cultures. It is shown that it has different gradations and forms. Paraverbal means of expressing the sense of humor in different lingual cultures are analyzed. It is stressed that social and ethnic rules of speech and paraverbal behavior prescribe certain reactions of the interlocutor.

Ключевые слова: чувство юмора, вербальные и параязыковые средства, языковой знак, социология языка, норма, система, речевая деятельность.

Keywords: sense of humor, verbal and paraverbal means, linguistic sign, language sociology, standard, system, speech activity.

doi: 10.22250/2410-7190_2017_3_1_98_105

1. Введение

Чувство юмора в процессе эволюции *homo sapiens* занимает особое место. В социо- и психолингвистических исследованиях, имеющих отношение к заявленной проблеме, в основном констатируется факт той или иной степени участия чувства юмора и форм его проявления в национальной лингвоментальности. Диахронический аспект анализа до сих пор не привлекал внимание специалистов. Попытаемся восполнить этот пробел и представить читателю динамику становления чувства юмора на материале анализа некоторых лингвокультур.

2. Стереотипность мышления как основа семиотики

Созидательное начало трудовой деятельности первобытных людей способствовало развитию мышления, стимулировало необходимость создания первых коммуникационных систем, позволявших кодировать и передавать простейшую, но жизненно важную информацию. Сначала паразык, затем первые звуковые сигналы сопутствовали поступательной социализации *homo sapiens*, его движения вверх по эволюционной лестнице. Чувственная основа бытия на протяжении нескольких тысячелетий определяла виды и формы человеческой деятельности посредством первой сигнальной системы. Языковой знак ещё не обладал такой характеристикой, как асимметричность, присущей абстрактному мышлению, способности человека взаимодействовать с себе подобными особями посредством выбора вербальных средств. Паратаксис с его скудным семиотическим инвентарем, исчерпываемым знаками – индексами и знаками – копиями (иконами) и присущей им относительной близостью означаемого и означающего, соответствовал чувственному восприятию окружающего мира средневековым человеком.

Высокий уровень стереотипизации мышления людей того времени обуславливал доминирование относительно простых схем человеческого речевого поведения, укладывающихся в рамки бихевиористского представления о механизме взаимодействия индивида с окружающей средой. Поведенческие инстинкты вырабатывали соответствующие формы социализации, не допускавшие существенных индивидуальных отступлений от принятых обществом стандартов. Речевые образцы следовали за мыслительными клише, определявшими инвентарь синтагматических и парадигматических единиц языка. Синонимические и антонимические ряды европейских языков, по данным исследователей этого периода, обладали сравнительно скудной наполняемостью. Синтаксис был представлен в основном простыми и сложносочиненными предложениями с союзами «и», «а», «но».

Одной из иллюстраций данного факта может послужить диахронический срез формирования немецкого национального литературного языка. Тексты 12–13 веков Хайнриха фон Морунгена (H. von Morungen), Фридриха фон Хаузена (F. von Hausen), Хартмана фон Ауэ (H. von Aue), первые тексты Священного Писания в переводах М. Лютера, представляли ра-

курсное видение окружающей действительности средневековым человеком. Сохранившиеся произведения художественной литературы средневерхненемецкого периода (сказки братьев Grimm, Песнь о Нибелунгах, сказки В. Гауфа.) также свидетельствуют о том, что в то время люди не владели законами перспективы, предполагающими возможность хронологической совместимости событий, их представления в парадигме. Именно этими обстоятельствами можно объяснить многочисленные примеры из сохранившихся литературных источников тех лет, в которых внешность героя напрямую коррелировала с его личностными характеристиками: хороший человек – красавец с нормативным дискурсом, плохой – урод с корявой непрезентабельной речью.

Первыми европейскими писателями, разрушившими этот стереотип сопряженности формы и содержания, были Ч. Диккенс и В. Гюго. Горбун Квазимодо (В. Гюго), Крошка Цахес и Карлик Нос (В. Гауф), Сирано де Бержерак (Э. Ростан) обладали притягательными личностными качествами, свидетельствующими о сдвиге приоритетов в оценке человека от формы к содержанию. Менялась и семиотическая структура языка. Знаки – символы как проявление чистой условности – появились тогда, когда имеющийся потенциал языковых средств перестал удовлетворять мышление людей, не ощущавших в сугубо прагматичное время феодализма потребности в абстрактном мышлении. Асимметрия языкового знака, в свою очередь, породила новые формы материализации мысли, стимулировала появление разных способов выражения сходных или одних и тех же значений, и, как следствие, возможность варьирования чувственного и вербального поведения человека, выбора той или иной формы выражения отношения к окружающему миру. Базисные (антропологические, ментальные, интеллектуальные, культурные) характеристики европейских этносов сформировались ко второй фазе средневековья (11–14 в.в.).

3. Чувство юмора: генезис

Чувство юмора следует, вероятно, относить к надстроечным категориям *homo sapiens* как высшего социального представителя земной фауны. Более или менее точной датой рождения европейского чувства юмора можно считать период позднего средневековья (14–16 в.в.). Именно в это время сознанием человека начинает руководить вторая сигнальная система, изменившая так называемое «формульное мышление» с клишированной речью на более сложный в линейном и структурном отношениях речевой дискурс. Эстетика чувств постепенно выходила из плоскостного пространства с бинарной шкалой измерения. По данным А. С. Либермана [Либерман, 2016], средневековому человеку было не присуще чувство юмора, хотя смех, улыбка, как таковые, имели место. Но они были адекватными реакциями на такие стимулы, которые невозможны или крайне редки сейчас. Смеялись акушерки (имитация смеха) во время родов, дабы отвлечь роженицу от физических страданий, смеялись над упавшим во время ходьбы человеком, смеялись на похоронах, демонстрируя превос-

ходство жизни над смертью. То есть, поводом для смеха было то, что не соответствовало действующим в то время нормам поведения и чувственного восприятия окружающего мира. Единственное, пожалуй, что было ещё недоступно средневековому человеку, это способность реагировать смехом на слово. С большой степенью уверенности можно предположить, что анекдоты средневековые люди друг другу не рассказывали. Остроумие, как одна из форм материализации интеллекта посредством второй сигнальной системы, пришло позже. Но данный факт ни в коей мере не делает языковой код средневековья ущербным или менее функциональным, чем современный язык. У Э. Сепира есть на этот счет весьма красочное сравнение: «Когда дело доходит до языковых форм, Платон идет рука об руку с македонским свинопасом, а Конфуций с дикарем и охотником за головами из Ассама» (цит. по: [Пинкер, 1994, с. 18]). Остроумие и сейчас далеко не всегда находит своё выражение в смехе, хотя в большинстве случаев вызывает улыбку или один из аналогов этой реакции в виде сокращения определённых мышц лица (гримаса, ухмылка и т. п.), свидетельствующих о том, что вербальный посыл достиг адресата, и теперь следует ожидать ту или иную реакцию. Выбор формы и средств ответной реакции собеседника в равной степени зависит и от отношения социума к языку в целом, и от личностных качеств его носителя. Известны экзотические лингвокультуры (Южная Америка), в которых чувство юмора отсутствует вообще. Объяснить это можно, на наш взгляд, двумя причинами: 1) недостаточно развитым абстрактным мышлением вследствие стабильно примитивных условий бытия; 2) самим отношением к языку, социально закреплёнными нормами взаимодействия с ним, отсутствием каких-либо вариантных проявлений в речевом поведении. Ещё одним общим условием проявления чувства юмора является та или иная степень словоохотливости социума (индивида). Фатичность можно считать основным механизмом функционального разнообразия узуса, порождающего двойственность языковой системы и вариантность нормы. Для носителя русского языка, например, сам факт общения является самоценным. Предмет и цель коммуникации вторичны. При этом народная мудрость периодически порождает фразеологизмы, призывающие к ограничению словоохотливости русскоязычного социума: «Молчание – золото», «Молчи, дурак, за умного сойдешь», «Слово – не воробей, вылетит, не поймаешь» и так далее. Приведём другой пример. Американский исследователь Д. Хаймс описывает коммуникативное поведение индейцев, носителей чинукского языка, социальные нормы которого предписывают ожидание нежелательных последствий от неосторожного употребления языка. У Хаймса это называется «серьёзным отношением к языку» (цит. по [Швейцер, 1976, с. 30]). Шутки-прибаутки вследствие их потенциальной амбивалентности там вряд ли возможны. Но и возможности рекурсии языковой системы, стимулирующей её развитие, крайне ограничены, поскольку потребности в коммуникации исчерпываются имеющимся инвентарем языковых знаков. Вероятно, многим известна скандальная история с языком патриархального племени «пираха» в Бразилии и неуклюжей попыткой американского миссионера Дж. Эверетта,

прожившего с индейцами этого племени более 20 лет, опровергнуть теорию генеративной грамматики Н. Хомского. Именно дискретная комбинаторика языковых единиц является основой конформности дискурса и способности человека, в отличие от животных, вуализировать посредством языка свои чувства (см. подр. мою статью «Язык чувств (из жизни животных и людей)» [Наумов, 2015]).

Противостояние добра и зла находит своё выражение во всех без исключения лингвокультурах. Душам положительных героев, присущи чистые помыслы, им не нужно вуализировать свои чувства и намерения. Поэтому их вербализация, как правило, однозначна, прямолинейна и эксплицитна. Инвентарь языковых средств, используемых для признания в любви, например, ограничивается 3–5 лексемами, а выражение таких чувств, как неприязнь, зависть, ненависть может иметь в своём арсенале несравненно больший объём вербальных и параязыковых средств, используемых для реализации коммуникативной задачи и создания соответствующего текста, способного привести его автора к цели.

Чувство юмора следует считать одним из имплицитных средств дискурса, которое может участвовать в реализации любой коммуникативной задачи. Остроумие обеспечивает говорящего арсеналом точных и действенных мер, нередко замещающих нейтральные, семантически избыточные структуры, которые отягощают коммуникативную тактику и размывают пресуппозицию высказывания. Выбор соответствующих языковых структур, используемых говорящим, определяется коммуникативной ситуацией, уровнем интеллекта и образования говорящего, другими экстралингвистическими факторами, сопутствующими речевой деятельности.

Следует подчеркнуть, что любые вербальные проявления чувства юмора (остроумия) в речи это всегда *п р о в о к а ц и я*, поскольку один из участников коммуникации оказывается перед выбором той или иной реакции на стимул. Возможны несколько вариантов развития событий: а) реакция соответствует речевому ожиданию партнёра; б) реакция не адекватна стимулу; в) реакция, по тем или иным причинам, не имеет вербального выражения, но обозначена посредством параязыка. Все три исхода предполагают предварительную «вкусовую» оценку стимула, имеющего, как правило, имплицитное содержание (импликатуру) или соответствующую трактовку жестов, мимического движения губ, глаз и так далее. Следовательно, распознавание вербальных и невербальных средств чувства юмора в большинстве случаев сопряжено с двойственностью между значимостью и значением, с одной стороны, и неоднозначной интерпретацией кинетических движений, с другой.

Наиболее распространённым маркером успешной идентификации остроумного посыла, как уже отмечалось, является улыбка или смех. В каждой лингвокультуре существуют свои нормы восприятия чувства юмора. Не менее значимы индивидуальные формы реакции. То, что вызывает смех у одного, может не вызвать даже улыбки у другого индивида. И данный факт вовсе не свидетельствует о наличии (отсутствии) чувства юмора, скорее он показывает способность индивида к вуализации своей

внешней реакции по тем или иным причинам. Например, неприязненные отношения к собеседнику могут стать поводом для сдержанной или вовсе непроницаемой позиции собеседника. Вторая причина отсутствия ожидаемой реакции может быть обусловлена разными нормативными установками речевого этикета, имеющего национальные, индивидуальные, возрастные и гендерные отличия. В этом случае приходится, в частности, говорить о том, что чувство юмора и остроумие, как способ его реализации, могут иметь градуальную шкалу измерения, соответствующую разным уровням развития интеллекта социума. Отсюда такие характеристики юмора, как «тонкий», «плоский», «топорный». Другая плоскость градаций обусловлена нравственными параметрами собеседников. Юмор может быть «добродушным», «циничным», «ядовитым», «чёрным». Так или иначе, все перечисленные формы проявления чувства юмора обычно сопровождаются параязыковыми знаками, призванными усилить интенциональный эффект, вызвать у собеседника (аудитории) ожидаемую реакцию.

Любая национальная параязыковая система по своему функционалу, диапазону вариантности невербальных средств, их комбинаторике уступает звуковому языку. Именно поэтому выбор того или иного параязыкового знака должен быть максимально точным, рассчитанным на его однозначную интерпретацию партнером (-ми) по коммуникации. Однако рациональное начало параязыка нередко «разжижается» его эмотивной составляющей, также характеризующейся различной интенсивностью в национальных лингвокультурах. Для носителей русского языка, например, типичен повышенный уровень эмоциональности, что обусловило формирование разветвленной системы параязыковых средств и их вербальных коррелятов. Иллюстрацией данного свойства может послужить самый длинный лексический ряд русского языка, отражающий такое явление параязыка, как улыбка, имеющей во всех лингвокультурах общий биологический коррелят – сокращение соответствующих мышц лица. Однако единый план выражения имеет множество значений и различную интерпретацию у представителей разных наций. Японская улыбка «*miko niko*», например, имеет охранную функцию и не всегда является самопроизвольным выражением удовольствия или маркером симпатии к партнеру по коммуникации. Она подчинена нормам японского национального этикета. Детей в Японии учат улыбаться как некой социальной обязанности. *Miko niko* составляет основу национальной японской ментальности, она оберегает собеседника от всякого рода неадекватных реакций в процессе коммуникации. Экстравертная сущность японской улыбки может быть противопоставлена её американскому аналогу, имеющему другой план содержания. Улыбка-маска, как демонстрация социального статуса, душевного и материального благосостояния. Улыбка-маска, с которой американцы, не расстаются ни при каких обстоятельствах. Маска, которая позволяет вуализировать своё ego.

Но длительное сокрытие чувств никогда не проходит бесследно для организма. Если отрицательная психическая энергия не находит выхода, того или иного способа материализации, она разрушает человека изнутри.

Другое дело, когда демонстрация чувства представляет собой некий ритуал, сложившийся в социуме веками и представляющий собой неписанные правила поведения. В европейской и американской культурах, например, во время брачной церемонии молодожёнам принято улыбаться, выглядеть счастливыми. Корейским брачующимся парам улыбаться не положено. Согласно народной примете, если невеста улыбается, то первой у неё родится девочка, что в корейском этносе считается нежелательным явлением. Таким образом, улыбка – это, прежде всего, маркер эмоционального состояния человека. Сокращение мышц губ и щёк без соответствующего выражения глаз может означать механическую (кинестическую) реакцию на реплику собеседника, возможно ожидающего реализацию именно такого параязыкового средства.

Следует, однако, иметь в виду, что социальные и этнические правила речевого и параязыкового поведения представляют собой прескрептивную норму, предписывающую или иную реакцию среднестатистического представителя социума, носителя национальной лингвокультуры, но не принуждающую его к единственно возможной реакции. Единообразие кода, используемого языковым коллективом, даже в первом приближении, оказывается фикцией. Социолекты, диалекты, сексолекты, идиомы, говоры, наречия, койне представляют неполный перечень способов реализации языковой и паравербальной систем национального языка. И в каждом из перечисленных субкодов существуют свои дескриптивные нормы поведения, определяемые речевой деятельностью каждого индивида в отдельности и всей совокупностью представителей субкода. Так реализуется механизм взаимодействия общего и единичного, порождающего всё новые формы речевых и параязыковых реакций, опосредованных чувством юмора.

4. Выводы

1. В средневековье языковой знак не обладал асимметричностью вследствие стереотипности человеческого мышления, однако, это не делало языковой код того времени ущербным или менее функциональным, чем современный язык.

2. Появление чувства юмора обусловлено дестереотипизацией мышления, появлением второй сигнальной системы, абстрактного мышления и, как следствие, изменением семиотической структуры языка.

3. В настоящее время не все лингвокультуры обладают чувством юмора. Выбор формы и средств вербальной подачи чувства юмора и ответной реакции собеседника в равной степени зависит от отношения социума к языку в целом и от личностных качеств его носителя. Идиоматика рассматривается как основной способ национального проявления чувства юмора.

4. Чувство юмора обычно сопровождается параязыковыми явлениями, прежде всего, улыбкой и смехом, выполняющими в разных лингвокультурах соответствующие функции.

Список литературы

1. Либерман, А. С. Средневековый человек и мы [видеозапись доклада]. – Российский государственный гуманитарный университет, Москва, 19 мая 2016 г. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=C-mulLjT2SA> .
2. Наумов, В. В. Язык чувств (из жизни животных и людей) [Текст] / В. В. Наумов // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2015. – № 2. – С. 71–84.
3. Пинкер, С. Язык как инстинкт [Текст] / С. Пинкер / пер. с англ. Е. В. Кайдаловой. – 3-е изд. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 456 с. – [1-е изд. 1994].
4. Швейцер, А. Д. Современная социолингвистика [Текст] / А. Д. Швейцер. – М. : Наука, 1976. – 174 с.

References

1. Liberman, A. S. (2016). *Srednevekovyj chelovek i my* [Medieval person and we] (video recording of the report made in Russian State University for the Humanities, May 19, 2016). Moscow. Retrieved from <<https://www.youtube.com/watch?v=C-mulLjT2SA>>
2. Naumov, V. V. (2015). Jazyk chuvstv (iz zhizni zhivotnyh i ljudej) [The language of feelings (from animal and people lives)]. *Teoreticheskaja i prikladnaja lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 1 (2), 71–84.
3. Pinker, S. (2013). *The language instinct*. 3d ed. Translated into Russian by E. V. Kaidalova. Moscow. (1st ed. 1994).
4. Shvejcer, A. D. (1976). *Sovremennaja sociolingvistika* [Modern sociolinguistics]. Moscow : Nauka.